

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ HISTORY OF PUBLIC ADMINISTRATION

Сибирь гуманитарная. 2025. № 3. С. 77—94.

Siberia Humanitarian. 2025;(3):77—94.

История государственного управления

Научная статья

УДК 930.2:351/354(47+57)

DOI 10.32324/2949-1568-2025-3-77-94

EDN LNJTKP

История государственной службы в научных публикациях 2011—2015 гг. (по материалам РИНЦ): ведомственный аспект и ведомственная политика государства

Владимир Евгеньевич Зубов

Сибирский институт управления — филиал РАНХиГС, Новосибирск, Российская Федерация, zubov-ve@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9402-4414>, AuthorID: 328442

Аннотация. В статье продолжается публикация результатов изучения историографии государственной службы: дается анализ публикаций, посвященных ведомственному аспекту гражданской службы и ведомственной политике государства. В первой части исследования, опубликованной в Вестнике гуманитарного образования (2024. № 4), рассмотрены базовые моменты исследования (актуальность темы, методология и методика, обоснование хронологических рамок и др.). Выявленные в ходе поиска работы разделены на несколько тематических групп. В первую группу включены публикации, затрагивающие общеисторические и теоретические аспекты государственной (гражданской) службы в прошлом и настоящем, они рассмотрены в опубликованной части исследования. Вторая часть в настоящее время находится на издании. В настоящей статье рассмотрено 18 работ (из 147 проанализированных в ходе исследования). Сделаны выводы об отсутствии в рассматриваемый период доминирующего направления изучения истории государственной службы в отдельных ведомствах. В некоторых работах прослеживается стремление к выходу за рамки заявленной темы или расширительная трактовка рассматриваемых проблем. При рассмотрении особенностей службы в отдельных ведомствах несколько чаще встречаются статьи, связанные с историей таможенных органов, что может быть отражением специфики момента и не является устойчивой тенденцией. В сферу научных интересов авторов также попали организационно-

правовые начала деятельности отдельных ведомств, особенности формирования кадрового корпуса государственных служащих в конкретных ведомствах, в том числе история развития системы подготовки кадров в дореволюционный, советский и постсоветский периоды, предприняты попытки обращения к связанным с государственной службой гуманитарным проблемам: изменение общественного сознания, формирование корпоративной культуры, внутренней этики служебных отношений и другим проблемам.

Ключевые слова: история государственной службы, гражданская служба, история, историография, ведомства в системе гражданской службы, таможенная служба, придворная служба, подготовка кадров

Для цитирования: Zubov V. E. История государственной службы в научных публикациях 2011—2015 гг. (по материалам РИНЦ): ведомственный аспект и ведомственная политика государства // Сибирь гуманитарная. 2025. № 3. С. 77—94. DOI 10.32324/2949-1568-2025-3-77-94. EDN LNJTKP.

History of public administration

Original article

The history of Public Service in Scientific Publications in 2011-2015 (based on the materials of the RSCI): Departmental Aspect and Departmental Policy of the State

Vladimir E. Zubov

Siberian Institute of Management — branch of RANEPa, Novosibirsk, Russian Federation, zubov-ve@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9402-4414>, AuthorID: 328442

Abstract. The article continues to publish the results of studying the historiography of civil service: an analysis of publications devoted to the departmental aspect of the civil service and the departmental policy of the state is given. The first part of the study, published in the Bulletin of Humanitarian Education (2024. No. 4), examines the basic points of the study (relevance of the topic, methodology and methods, justification of the chronological framework, etc.). The works identified during the search are divided into several thematic groups. The first group includes publications concerning the general historical and theoretical aspects of the state (civil) service in the past and present, they are considered in the published part of the study. The second part is currently in publication. This article reviews 18 papers (out of 147 analyzed in the course of research). Conclusions are drawn about the absence of a dominant trend in the study of the history of public service in individual departments during the period under review. In some works, there is a desire to go beyond the stated topic or to give an extended interpretation of the problems under consideration. When considering the specifics of the service in individual departments, it became clear that articles related to the history of customs authorities are more common, which may be a reflection of the specifics of the moment and is not a stable trend. The authors' research interests also include the organizational and legal basics of the activities of individual departments, the specifics of the formation of cadres of civil servants in specific departments, including the history of the development of the personnel training system in the pre-revolutionary, Soviet and post-Soviet periods. Attempts were made to address humanitarian problems related to public service: changes in public consciousness, the formation of corporate culture, internal ethics of official relations and other issues.

Keywords: history of civil service, civil service, history, historiography, departments in the civil service system

For citation: Zubov V.E. The history of Public Service in Scientific Publications in 2011-2015 (based on the materials of the RSCI): Departmental Aspect and Departmental Policy of the State. *Siberia Humanitarian*. 2025;(3):77—94. (In Russ.). <https://doi.org/10.32324/2949-1568-2025-3-77-94>. <https://elibrary.ru/lmjtkp>.

В данной статье продолжается публикация результатов анализа исследований истории государственной службы и их отражения в работах авторов в 2011—2015 гг. Подходы и принципы проведения исследования изложены ранее [1]. В статье анализируются работы, освещающие различные аспекты организации и функционирования государственной службы в отдельных ведомствах или деятельности государства по решению проблем того или иного ведомства.

Оговоримся, что авторы работ этой группы, заявляя сравнительно узкую тему исследования, выходят на рассмотрение более крупных проблем, относящихся к другим тематическим группам. Так, В. Г. Балковая, рассматривая таможенную службу, обращается к теоретико-методологическим основаниям изучения истории органов государства в целом [2]. Это давало основание рассмотреть ее публикацию вместе другими работами, связанными с выработкой методологии исследования в рамках соответствующей тематической группы. Включение данной статьи в рассматриваемую группу обусловлено, во-первых, наличием еще одной публикации автора, также посвященной таможенным органам, а во-вторых, тем, что автор акцентирует внимание на уже известных принципах научного исследования «историзма, объективности, комплексности и системности» [2]. Во второй статье В. Г. Балковая также на примере начального этапа развития таможенной службы рассматривает такую характерную для дореформенной России черту государственной службы, как принудительность и обязательность [3]. Для некоторых категорий населения несение государственной службы являлось не привилегией, а обязательной повинностью, уклонение от которой было чревато серьезными последствиями.

Встречается и иная ситуация, когда в названии статьи обозначается более широкий предмет исследования, чем рассматриваемый в тексте. Так, В. В. Козлов, заявляя в качестве темы правовые основы службы иностранцев в России, ограничивается рассмотрением периода даже не русского централизованного государства, а феодальной раздробленности [4]. Проводить анализ данной работы невозможно в силу спорной трактовки ключевого понятия, используемого в статье, — «Россия». Автор справедливо утверждает, что для изучения «исторического вопроса»¹ о развитии законодательства, регулирующего правовое положение иностранцев, служивших на территории Российского государства до правления Ивана III, нужно определить время его образования как государства с определенными границами. По распространенному мнению, образование Российского государства относят к IX в.» [4, с. 343]. Ссылка на «распространенное мнение» нам представляется некорректной, поскольку не

¹ Содержательное наполнение словосочетания «исторический вопрос» нам не совсем понятно. Возможно, что автор статьи имел в виду «историю вопроса» — В. З.

оговаривается, в какой среде это мнение распространено¹. Если речь идет о научных концепциях и теориях, то необходимо указывать их сторонников, тем более что в фундаментальных работах даже справочного характера указывается, что «в русских письменных памятниках название „Россия” как обозначение страны появляется в конце XV в., но до конца XVII в. она чаще именовалась Русью, Русской землей или Московским государством. С сер. XVI в. „Россией” или „Российским царством” начали называть всю совокупность земель, вошедших к тому времени в состав централизованного государства во главе с Москвой» [5, с. 309—310]. Несостоятельность выбранной автором в качестве основания «точки зрения» проявляется и в том, что она не соответствует им же установленному критерию — наличию «определенных границ». В государстве IX в. не могло быть оформленной территории, так же, как и не могло быть Российского государства с оформленными границами, поскольку существовало несколько центров государственности, происходило их объединение. Неверное определение ключевого понятия позволяет оспорить многие положения работы: «славяне, кривичи и другие народы должны были платить дань варягам, служившим в *России*» [4, с. 344]; «иностранные учителя, находясь на службе в *Российском государстве*, обладали характерными правами» (курсив наш. — В. З.). В последнем случае спорно утверждение не о наличии «характерных прав», а о нахождении на службе «в Российском государстве». Служба конкретному князю не являлась службой Российскому государству. Размежевание княжеской (позднее — государевой) и государственной службы в России происходит довольно поздно. В некотором смысле можно сказать, что оно не произошло вплоть до свержения монархии в феврале 1917 г. [6]. Наконец, на наш взгляд, говорить о правовых основах службы иностранцев в условиях отсутствия общегосударственного законодательства можно только в пределах отдельных княжеств в рамках двусторонних соглашений между приехавшим иностранцем и князем. Но отдельное княжество не может характеризоваться термином «Российское государство».

Высказанные нами возражения против подхода В. В. Козлова разделяют и другие исследователи, например уже упомянутая В. Г. Балковая. В работе о раннем этапе формирования таможенной службы она затрагивает вопрос, связанный как раз с атрибутом, выделенным В. В. Козловым в качестве необходимого критерия существования государства (наличие определенных границ [3]). Следствием оформления государственной территории становится создание таможенной службы. При этом начальный (ранний) этап ее формирования В. Г. Балковая, на наш взгляд, справедливо относит к XV в., т. е. именно в это время устанавливаются *определенные* границы и можно начинать говорить о Российском государстве (русском национальном государстве, Московском царстве, Московском государстве и т. д.).

¹ Проведенный нами анализ современных публикаций позволяет утверждать, что формулировки: «распространенное мнение», «существует мнение», «по мнению большинства исследователей» часто используются в качестве аргумента при выдвижении, как минимум, спорных и ошибочных тезисов. Такую практику, видимо, следует считать характерной чертой современного этапа историографии.

Тема таможенной службы в публикациях рассматриваемого нами периода достаточно популярна. Возможно, что всплеск интереса обусловлен созданием Таможенного союза России, Беларуси и Казахстана и принятием связанных с ним документов или утверждением Стратегии развития таможенной службы Российской Федерации [7]. Возможны и иные причины. Наряду с ранним, рассматриваются и более поздние этапы ее развития. Так, С. Б. Аванесов обращается к рассмотрению таможенного дела в России XVIII—XIX вв. [8]. Исходные тезисы автора выглядят не бесспорными и не соответствующими реалиям как современной жизни, так и прошлого: «Нельзя забывать, что торговли без налогов не существует...» [8, с. 235]. Практика показывает, что торговля без налогов не просто существует, а даже процветает. Без налогов и других источников средств не может существовать, скорее, государство, почему и создается таможенная служба. Несмотря на ряд интересных для неспециалиста сведений об организации таможенной службы, ценность данной публикации существенно снижается отсутствием ссылок на законодательные акты (автор называет законы, но не приводит ссылок на Полное собрание законов Российской империи). Использование в качестве источников учебников позволяет вообще поставить под сомнение научную ценность работы, поскольку элементы научной новизны, по нашему мнению, в представляемой информации отсутствуют.

В исследованиях службы по другим ведомствам также приходится сталкиваться с недостаточным вниманием авторов к общеисторической проблематике. Так, А. И. Сафонова, говоря об истории правового регулирования службы в органах внутренних дел, использует избыточно широкую периодизацию развития государственной службы, выделяя досоветский, советский и постсоветский периоды [9]. При этом утверждает, что такая периодизация является общепринятой [9, с. 189]. С данным тезисом трудно согласиться, поскольку государственная служба является специфической частью государственного механизма, который нельзя продуктивно изучать в рамках таких крупных временных блоков. Достаточно сказать, что предлагаемая периодизация не позволяет увидеть различий между государственной службой XVI в. и гражданской службой начала XX в., ведь обе они относятся к досоветскому периоду. Изучение государственной службы требует особой периодизации, позволяющей учесть специфику и внутреннюю логику предмета исследования. В свое время при решении вопроса об этапах реформирования государственной службы нами предпринималась попытка разработки периодизации, основанной на внутренней логике развития гражданской службы [6]. Автор, видимо, и сама понимает необходимость более тонких градаций, поскольку в дальнейшем связывает начало государственной службы с эпохой Петра I и выделяет ряд последующих более мелких этапов. Вызывают обоснованные возражения и некоторые другие тезисы, сформулированные в статье: утверждение, что до 1873 г. на службу в полицию направлялись солдаты, признанные негодными к военной службе [9, с. 189]. Спорность данного тезиса связана не с самим фактом — так называемые инвалидные команды существовали во многих городах, а с тем, что не

оговорено содержание термина «полиция», который на разных этапах развития системы управления имел различный смысл. Непонятно также, почему в перечень документов, регламентирующих деятельность полиции, не включен Устав благочиния, или Полицейский, подписанный Екатериной II, — заметное явление в истории полицейского управления. Вместе с тем совершенно оправданным выглядит выделение советского периода как качественно отличного от других и сопоставимого по своему значению со всеми предшествовавшими этапами длиной в несколько столетий.

Специфическому аспекту службы по ведомству внутренних дел посвящена статья Е. Г. Комиссаровой [10]. Не рассматривая в деталях ее основное содержание, коснемся только той ее части, которая относится к истории государственной службы. Несмотря на актуальность и важность поставленной проблемы, следует признать, что статья имеет крайне низкую научную ценность. Буквально на первой странице встречается странное утверждение: «Дополнение государственной службы службой придворной — в нынешнем понимании *правоохранительной* (здесь и далее курсив наш. — В. З.) — произошло с принятием небезызвестного Указа Петра I от 4 февраля 1722 г. „Табель о рангах”» [10, с. 147]. Можно было попытаться счесть такое заявление досадной опечаткой, оговоркой или результатом практикуемой в последние десятилетия подмены понятий, если бы на следующей странице не было вполне четкого утверждения: «*карательно-правоохранительное назначение придворной службы, ее работа „по своим правилам” соответствовали самодержавной форме правления*» [10, с. 148]. Далее картина становится еще более интересной: автор относит к придворным служащим объезжих голов и утверждает, что социокультурный облик этой службы «сильно уступал другим видам службы». Противопоставляя придворную службу военной и характеризуя качества дворянства, «за счет которого формировалась военная служба», автор, ссылаясь на работу И. И. Фельбигер «О должностях человека и гражданина», вышедшую в 1783 г., называет такие черты дворян, как «цивилизованный патриотизм, жертвенность, чувство собственного достоинства, долг, честь» с декламацией того, что «дворянское происхождение дает право занимать высокие должности в государстве, быть приближенным к монарху» и добавляет: «Совсем иные качества сопутствовали представителям службы придворной. Об этом весьма красноречиво сообщают и многовариантные исторические названия исполнявших ее лиц — „объезжие головы”, уличные сторожа, решеточные приказчики как представители населения, позднее — регулярные войска стрельцов и пушкарей, рабоче-крестьянской народной милиции» [10, с. 148]. То есть все эти категории служащих (особенно представители рабоче-крестьянской милиции) относились к придворной службе! Следовательно, такие фигуры, имеющие придворные чины и находившиеся на придворной службе, как граф Г. А. Строганов, ставший обер-камергером в 1846 г. [11, с. 438] или графиня В. И. Суворова-Рымникская — княгиня Италийская, статс-дама с 1801 г. [11, с. 441], или, скажем, граф С. А. Толь, обер-егермейстер, происходивший из немецкого рода, ведущего отсчет с XI в., награжденный орденами Станислава I степени, Анны I степени, Владимира

П степени и другими орденами [11, с. 463—464], не могли быть «приближены к монарху», «занимать высокие должности» и т. д. Ограничимся приведенными цитатами, хотя их могло быть значительно больше. Скажем только, что исследователь, безусловно, вправе приходить к выводам, не совпадающим с теми, которые были сделаны до него другими специалистами, опровергать известные факты, делать заключения, противоречащие даже элементарному здравому смыслу, но, выдвигая такие неординарные тезисы, должен заботиться о безупречности аргументации значительно больше, чем в том случае, когда он повторяет классические положения той или иной науки. В рассматриваемой работе такая аргументация отсутствует. Отказываясь как-то комментировать указанные исторические новеллы (употребим этот юридический термин, хотя он и не совсем точен), отметим, что придворная служба связана с обслуживанием монарха, его ближайшего окружения (члены императорской фамилии) и обеспечением их представительских функций как главы государства и официальных лиц. Даже само название придворных должностей (обер-маршал, обер-шталмейстер, обер-егермейстер, обер-шенк, обер-церимониймейстер, лейб-медик, обер-кухенмейстер, надворный аптекарь, статс-дама, кафер-фрейлина и т. д.) достаточно свидетельствуют о том, что никакого отношения к полиции (или правоохранительной службе) в силу своих служебных обязанностей они не имели. Добавим также, что в XIX в. первые чины двора соответствовали гражданским служащим II класса Табели о рангах, а пожалование чина камергера и камер-юнкера зависело только от усмотрения монарха и не подчинялось никаким законодательным правилам (в других видах службы такая практика применялась для лиц, занимающих высшие должности в системе управления). Никаких обьежжих голов и других «придворных» чинов (по терминологии автора) нам не удалось обнаружить в составе придворной службы ни в одной редакции Табели о рангах, ни в других источниках о придворной службе. Завершая рассмотрение данной публикации, заметим, что самое печальное, на наш взгляд, то, что эта статья находится в открытом доступе и может быть процитирована другими авторами, а указанные «новеллы» при дальнейшем тиражировании могут войти и в учебные пособия для школьников и студентов. Автору ее, возможно, имеет смысл обратиться к статье Е. Мурова [12], в которой перечисляются структуры, выполнявшие функции охраны монархов: конвой его величества, сводный пехотный полк, гараж, специальная дворцовая полиция, секретная часть, дворцовая агентура и др. Не занимаясь специально изучением придворной службы, рискнем выдвинуть предположение, что только отдельные лица из этих структур, и то относящиеся к высшим руководителям, могли иметь какие-то придворные чины, являвшиеся, скорее, почетными званиями, не имевшими прямого отношения к их служебным обязанностям. Можно также порекомендовать и статью А. А. Холмогорова, который, не являясь профессионалом-историком, знает службу охраны «изнутри» [13]. По его словам, охраной Московского кремля в рассматриваемый период занимались Московская дворцовая контора (с 1831 г.), Московское дворцовое управление (1866—1917 гг.) [13, с. 40—41], но относились эти учреждения не к мини-

стерству внутренних дел, в ведении которого находилась полицейская, в том числе правоохранительная, служба (с 1880 г. — и корпус жандармов), а к министерству императорского двора. Приведем только одну цитату из статьи А. А. Холмогорова: «С 1886 года на ключевые руководящие должности Московской дворцовой части назначались армейские офицеры (генералы). Такая традиция сохранилась вплоть до ликвидации Временным правительством в 1917 году Министерства императорского двора и структур, входящих в него, коими являлась Московская дворцовая часть и подчиненное ей Московское дворцовое управление. <...> Если же вернуться к Московской дворцовой конторе и Московскому дворцовому управлению, то *обе эти структуры действовали в рамках созданного в 1826 году Министерства императорского двора*. Создавалось это министерство (как и вошедшие в его состав дворцовые конторы и управления) *для обеспечения потребностей императорской фамилии и осуществления придворно-хозяйственной деятельности в императорских дворцах*» [13, с. 41]. Оснований сомневаться в заключении А. Холмогорова у нас нет, так как оно подкреплено ссылкой на источники. В частности, в приводимой выписке из временного штата 1886 г. числятся три гоф-курьера, лакеи 1-го разряда, лакеи 2-го разряда, швейцары, помощники швейцаров и другие, но не полицейские служащие.

Среди работ, характеризующих другие ведомства, хотелось бы отметить публикацию В. И. Белькова и Л. Е. Косарева, посвященную истории архивной службы Кузбасса [14]. Данная публикация привлекает прежде всего качественным оформлением материала, соблюдением необходимых требований, которым должна соответствовать научная статья. Отметим и взвешенный подход, который не всегда присутствует в современных публикациях, посвященных советскому периоду истории (формирование архивной службы в Кемеровской области как элемента общегосударственной системы происходило при Советской власти), а также источниковую базу исследования, охватывающую и период распада СССР. Авторы обращают внимание на возникающие при этом проблемы, связанные с сохранением архивов учреждений в ходе приватизации.

К данной публикации близка работа В. М. Осина, посвященная изменениям в деятельности архивной службы Московской области в предвоенный и военный период [15]. Автор приходит к выводу о неоднозначных последствиях вхождения архивов в структуру органов НКВД (1939—1946). Наряду с ограничением доступности архивных материалов для исследователей в связи с их засекречиванием, «улучшились обеспечение сохранности архивных документов, социальное обеспечение их работников» [15, с. 81]. Положительную роль сыграло создание Государственного архивного фонда. Проведенная централизация позволила в короткие сроки провести громадную работу по обеспечению эвакуации архивных фондов в тыловые районы страны. Публикуемая информация подтверждена большим количеством ссылок на ранее не использованные архивные документы, что повышает ее научную ценность.

Статью Л. Ф. Пертли мы первоначально сочли возможным не рассматривать как узкоспециализированную, однако в ней имеются не-

которые положения, заслуживающие упоминания [16]. Так, автор затрагивает серьезную проблему отсутствия системной работы в современных исследованиях государственного управления, «несмотря на обилие публикаций на исторические темы» [16, с. 89]. Исследователи «крайне редко вводят в научный оборот новые архивные документально-исторические материалы» [16, с. 89]. Думается, что подобное сожаление можно высказать не только в отношении вопросов уголовно-исполнительной системы России, но и других исследований, связанных с государственной службой. Представляет интерес и рассмотрение мер, используемых в борьбе с преступностью, но оно выходит за рамки заявленной нами темы.

Несколько слов необходимо сказать и о статье Н. Н. Коротеевой «История российской аптечной службы второй половины XIX — начала XX вв.» [17]. Термин «служба» здесь употреблен в специфическом смысле, что порождает ряд вопросов, и в частности — в какой мере аптечная служба может быть отнесена к разновидностям государственной службы? В российском государстве существовали как казенные, создаваемые, например, приказами общественного призрения, так и частные, так называемые вольные аптеки. Если первые могут быть с некоторыми оговорками отнесены к государственной службе (по медицинскому ведомству после его оформления в системе гражданской службы), то вольные аптеки, существовавшие и в более поздний период, вряд ли следует включать в понятие «служба», тем более что контроль их деятельности со стороны государства начал осуществляться только в 1797 г., после учреждения медицинских управ [18, с. 287—296]. Может быть, целесообразней было использовать другой термин (например — аптечная сеть). Во всяком случае нам ни разу, ни в литературе, ни в документальных источниках, не встречалось свидетельств существования такой разновидности государственной службы, как аптекарская служба. Для снятия возникающих вопросов автору следовало, видимо, оговорить, в каком контексте употребляется в статье термин «служба», под которым может пониматься то или иное ведомственное подразделение или самостоятельное ведомство, организация [19, с. 12—13].

Интересные данные о развитии рынка труда и формировании службы занятости в современной России содержатся в статье Е. Е. Гориной [20]. Автор рассматривает несколько вариантов периодизации процесса формирования и развития службы занятости и предлагает новую. Однако нам представляется, что ставить вопрос о периодизации развития какой-либо структуры уместно тогда, когда процесс формирования завершен. Здесь же, как видно из текста статьи, происходят постоянные изменения, что дает основания говорить о незавершенности процесса. Выделяемые этапы (4—5 лет), на наш взгляд, слишком короткие. Вполне возможно, что в дальнейшем они будут объединены в рамках одного, начального, этапа развития этой службы.

Такому актуальному вопросу, как подготовка кадров государственных служащих, посвятили свою совместную публикацию В. А. Шамахов и В. И. Морозов [21]. Значимость проблемы (нарушение преемственности в последние десятилетия, в том числе и в сфере подготовки кадров, является, на наш взгляд, одной из се-

рьезных проблем современной России), широкие хронологические рамки и значительный объем содержащейся информации вызывают интерес, но оформление статьи не соответствует требованиям к научной публикации. Материал подается без ссылок на источники даже в тех случаях, когда для этого не нужно обращаться к архивам, ряд важных моментов, касающихся подготовки кадров, не затронут. Возникающие при знакомстве с работой вопросы невозможно снять в связи с нечеткостью формулировок. Так, например, весьма сомнительным выглядит вывод авторов по так называемому делу лицейстов: «Это трагическое событие должно было продемонстрировать советскому обществу неприятие новой властью существовавших принципов подготовки кадров государственных служащих» [21, с. 10]. Невозможность (в связи с отсутствием ссылок) проверить указанный вывод заставила нас провести поиск в Интернете. Ни в одном из найденных материалов не было сказано, что участники «монархической организации» были арестованы за учебу в лицее. И обвинения им предъявлялись совсем иные. Если советскому обществу и хотели что-то продемонстрировать, то никак не то, что нельзя учиться в лицее или училище правоведения (коль скоро авторы говорят о принципах подготовки кадров). Скорее, речь шла о том, что нельзя выступать против существующей власти и заниматься антигосударственной деятельностью. Недостаточно обоснованными выглядят и другие тезисы авторов: «В отечественной историографии в большинстве случаев принято отождествлять этап развития государственной системы с присущим ему обликом государственного служащего» [21, с. 10]. О каком «большинстве случаев» может идти речь, если на той же странице, но несколько выше, авторы говорят, что «государственный служащий как объект историко-политологических исследований представляет собой понятие малоизученное». Если малоизученное, то как «в большинстве случаев» с ним (или с его обликом) отождествлять этап развития государственной системы? Называемый авторами критерий вообще неприемлем для характеристики этапа развития государственной системы, так как при его использовании нельзя, например, увидеть различия между имперской Россией до февраля 1917 г. и Российской республикой (формально — сентябрь, а фактически — февраль-октябрь 1917 г.). Ведь после появления Временного правительства и провозглашения России республикой возникла иная государственная система, но облик чиновника не изменился. В учреждениях продолжали служить те же самые лица, структура и состав учреждений изменились мало (не считая губернаторского корпуса, но и здесь изменения касались персонального состава, а не облика государственного служащего). Что касается сформулированных авторами черт советских государственных служащих, то они могут характеризовать кадры и досоветской, и постсоветской государственной службы. Достаточно ознакомиться с текстом присяги на верность, чтобы увидеть, что до 1917 г. чиновник должен служить не народу, и даже не государству, а «его императорскому величеству» («обещаюсь и клянусь <...> что хочу и должен его императорскому величеству, своему истинному и природному всемиловейшему великому государю императору <...> верно и не лицемерно служить, и во всем пови-

новаться, не щадя живота своего, до последней капли крови...» [22, с. 458]. Большого «принятия крайнего центризма власти» [21, с. 13], характеризующего, по мнению авторов, облик советских служащих, трудно представить. С тем, что «России слишком мало было отведено времени для формирования облика государственного служащего в рамках демократических принципов государственного управления» [21, с. 13] можно согласиться безусловно. Действительно, развязанная контрреволюционными силами гражданская война потребовала резкой централизации управления и ускоренной национализации не только крупных, как планировалось, но и средних, и даже мелких предприятий. В этих условиях в аппарат управления широко привлекались бывшие чиновники и служащие, воспроизводившие порочные стереотипы прежней системы. В итоге В. И. Ленин в последние годы вполне справедливо констатировал: «Вреднее всего было бы полагаться на то, что мы хоть что-нибудь знаем, или на то, что у нас есть сколько-нибудь значительное количество элементов для построения действительно нового аппарата, действительно заслуживающего названия социалистического, советского и т. п.» [23, с. 390]. «Нам надо во что бы то ни стало поставить себе задачей для обновления нашего госаппарата: во-первых — учиться, во-вторых — учиться и в-третьих — учиться и затем проверять то, чтобы наука у нас не оставалась мертвой буквой или модной фразой <...> чтобы наука действительно входила в плоть и кровь, превращалась в составной элемент быта вполне и настоящим образом» [23, с. 391]. Однако, сделав бесспорный вывод, авторы выдвигают слабо аргументированные утверждения: «Долгие годы среди исследователей бытовало мнение, что в советское время управлению нигде не учили» [21, с. 13]. Авторы допускают, что такая точка зрения не соответствует реальному положению вещей и показывают реальную картину, но этого недостаточно. Более вероятно, что такого мнения вообще быть не могло, хотя бы потому, что ни о каких «долгих годах» речи идти не может. В период социализма советская система подготовки кадров была у всех перед глазами и подробно описана авторами [21, с. 14—15]. Таким образом, сказать, что советские исследователи ничего не знали о подготовке кадров, нельзя. Значит, речь идет о современных исследователях? Но здесь тем более нельзя говорить о «долгих годах». Ведь новая российская государственность существует менее 30 лет. Несмотря на все попытки стереть память о советском периоде истории, сегодня живы и те, кто готовил кадры в период социализма и те, кто такими кадрами являлся. Точно так же спорным выглядит утверждение, что «проследить происхождение всей массы советского чиновничества (кого следует понимать под советским чиновничеством авторы не уточняют — В. З.) невозможно <...> нежелательное происхождение от властей тщательно скрывалось» [21, с. 16]. Здесь хотелось бы видеть указание на то, о каком этапе развития советского государства идет речь. Если о первых годах советской власти, то с этим можно согласиться, хотя в этот период происхождение проверялось особенно тщательно, что вполне естественно в условиях войны и диктатуры пролетариата. А если речь идет о 1970—1980-х гг., то, во-первых, при желании эту характеристику легко проследить хотя бы по документам кадрового

делопроизводства, а, во-вторых, фактор происхождения стал несущественным, поскольку к управлению страной начало приходить уже, как минимум, второе поколение людей, родившихся и выросших при социализме. Некоторый интерес для неспециалиста может представлять попытка раскрытия истории формирования современной системы подготовки кадров, но в целом статья выглядит несколько противоречивой, что, в частности, связано с отсутствием ссылок на документы и источники.

Сравнительно редко освещаемую исторической наукой тему — эволюцию общественного сознания лиц, поступающих на государственную службу рассматривает А. Ю. Рошупкин [24]. Сложность ее изучения усугубляется тем, что автор обращается к довольно отдаленному периоду — XVI — началу XVII в. Это время характеризуется сравнительной скудостью источников, особенно относящихся к рядовым членам общества — крестьянам, стрельцам, гулящим людям и т. д. Тем более сложно исследовать изменения в общественном сознании, поскольку эти изменения слабо отражаются в дошедших до нас документах. Сложность темы, возможно, повлияла на выбор территориальных рамок исследования, которые ограничены одним городом — Ельцом. Такое ограничение не позволяет распространить выводы на всю социальную группу в масштабах страны или хотя бы региона, но может послужить базой для дальнейших исследований. На наш взгляд, в статье раскрывается процесс не столько формирования социального сознания, сколько изменения социального статуса при переходе на государственную службу или формирования служилого сословия на окраинах страны.

Вопросы формирования кадрового корпуса привлекают внимание и других исследователей. Так, П. П. Щербинин исследует социально-правовой и повседневно-бытовой статус солдатских детей — социальной группы, вносившей заметный вклад в формирование слоя государственных служащих, особенно на окраинах страны в XVIII—XIX вв. [25] Рассматривая демографическую ситуацию в солдатских семьях, автор делает вывод об увеличении числа незаконных браков и «преобладающем рождении солдатскими женами незаконных детей» [25]. Для исследования используется достаточно широкий круг источников, отечественных и зарубежных, современных и дореволюционных. Однако при рассмотрении проблемы автор показывает недостаточно полную картину, поскольку военная служба являлась не единственно возможным вариантом жизненного пути для солдатских детей. Согласно Своду уставов о службе гражданской, они по праву происхождения могли поступать и на гражданскую службу, причем на окраинах страны эта социальная группа была одним из главных поставщиков кадров для гражданских учреждений. Так, в первой четверти XIX в. в Томской губернии лица, происходившие «из солдатских детей», составляли одну из наиболее многочисленных групп в составе государственных служащих, уступая по численности детям приказнослужителей, дворян и обер-офицеров [26, с. 183]. У нас также создалось впечатление, возможно ошибочное, что автор слишком расширительно трактует термин «кантонист», отождествляя его с термином «солдатские дети». Кантонисты появились в России с 1805 г., а особый статус солдатских детей про-

слеживается со времени военных реформ Петра I, когда для них была введена подготовка к службе в специальных школах [27, с. 339]. Поэтому данные термины не равнозначны.

Исследователь А. С. Котельников рассматривает деятельность органов госбезопасности в условиях перехода к новой экономической политике (1920—1921) [28]. Здесь следует отметить не совсем верные, на наш взгляд, исходные посылки работы — суждение о военном коммунизме, как о непродуманной попытке «„лобовой атаки” на незрелый уклад экономической жизни граждан России и, прежде всего, крестьянство» [28, с. 36]. Слабое знакомство с работами историков периода социализма вполне объяснимо, но не оправдывает автора, поскольку вынужденный характер этой меры, обусловленной условиями военного времени и введенной в практику до начала социалистической революции, показан и в современных публикациях [29]. Из них следует, что один из основных так называемых антикрестьянских элементов — продразверстка — вводился еще до 1917 г., когда военные операции шли на фронтах Первой мировой войны, а Сибирь, Дальний Восток, юг, север и регионы Средней Азии не были затронуты военными действиями. Вынужденный характер политики военного коммунизма, вызванной хозяйственным кризисом в годы мировой, а затем гражданской войн, военными действиями на всей территории страны, интервенцией и потерей ряда источников сырья и топлива, достаточно очевиден и подтверждается ходом исторического процесса. Как минимум спорным представляется и утверждение, что эта политика была направлена против крестьянства, поскольку советская власть победила в Гражданской войне, чего невозможно было бы добиться без поддержки крестьянства, составляющего большую часть населения. Другими словами, даже используя продразверстку, советская власть имела более прочную и широкую социальную базу, чем объединенные силы контрреволюции, противостоящие ей. Есть вопросы и к определению хронологических рамок исследования в связи с тем, что существуют различные периодизации нэпа. Желательно было бы видеть, на каких источниках основано определение времени завершения нэпа. Вместе с тем публикация содержит отсылки к ценным архивным материалам, характеризующим материальный уровень работников ВЧК, их взаимоотношения с партийным руководством и местными властями. Ряд выводов других авторов, о которых говорится в статье, могут быть оспорены, например, вывод А. С. Павлюченкова о том, что «именно органы ВЧК стали той силой, которая сдержала центробежные силы и не дала распасться стране» [28, с. 38]. В то же время основной вывод статьи не вызывает возражений: «Несмотря на трудности и изменения, органы государственной безопасности по-прежнему стояли на страже политических и экономических интересов Советского государства и были его надежным щитом в борьбе с контрреволюцией и вражескими разведками» [28, с. 40].

Подводя итог, отметим, что нами использованы далеко не все работы указанных в статье авторов. Обращение к спискам публикаций конкретных лиц позволяло обнаружить множество других работ, связанных с историей государственной службы, однако использованная методика исследования (отбор по ключевым словам) заста-

вила нас отказаться от их рассмотрения и ограничиться статьями, попавшими в выборку. Сделанные выводы не являются окончательными и относятся только к рассматриваемым публикациям.

Оценивая полученные в рамках анализа статей данной тематической группы результаты, отметим отсутствие в рассматриваемый период доминирующего направления исследований. Авторы обращаются к самым разным вопросам и проблемам деятельности конкретных ведомств. Относительно популярной можно считать тему деятельности таможенных органов. Рассматриваются организационно-правовые начала деятельности отдельных ведомств, процесс формирования кадрового корпуса, этические начала служебных отношений, подготовка кадров, отдельные аспекты истории современной государственной службы. Временные рамки исследований также охватывают практически все время существования отечественной государственности с IX по XXI в. Наблюдаются попытки постановки и решения новых проблем, требующих разработки специальных методик исследования. Недостатки в рассмотренных статьях в какой-то степени совпадают с выявленными в статьях других тематических групп и обусловлены, в первую очередь, нарушением преемственности в развитии исторической науки в последние десятилетия. Прежде всего не соблюдается утвердившаяся ранее в исторической науке периодизация развития страны. Редко используется специальная периодизация, адекватная проблематике исследований. Нарушается терминологическая четкость — авторы вводят в оборот новые понятия без достаточного теоретического и источникового обоснования их необходимости, в качестве источника используются не архивные материалы и специальные работы, а учебные пособия. Нарушаются формальные требования к научным публикациям, в частности, не приводятся ссылки на источники. В качестве аргументов для подкрепления спорных и не обоснованных тезисов используются обобщенные и неподтвержденные, в некоторых случаях некорректные формулировки: «общепринятый», «общеизвестный» и т. д. С особой отчетливостью просматривается недостаточная изученность управленческой проблематики советского периода. Заметна тенденция дискредитации советского прошлого. Наиболее качественными с формальной точки зрения выглядят публикации архивистов.

Список источников

1. Зубов В. Е. История государственной службы в научных публикациях 2011—2015 гг. (по материалам РИНЦ). Ч. I // Вестник гуманитарного образования. 2024. № 4 (36). С. 9—17.
2. Балковая В. Г. Теоретико-методологические основания изучения истории государственных органов России (на примере таможенной службы) // Экономика, социология и право. 2014. № 1. С. 157—159.
3. Балковая В. Г. Таможенная служба в России как государственная повинность (XVI—XVII вв.) // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2012. № 3 (17). С. 8—15.
4. Козлов В. В. Правовые основы службы иностранцев в России: история вопроса // Гуманитарные исследования. 2011. № 4 (40). С. 343—349.

5. Большая советская энциклопедия : в 30 т. 3-е изд. Т. XXII: Ремень — Сафи. М. : Сов. энцикл., 1975. 627 с.
6. Зубов В. Е. Этапы реформирования государственной службы в России (XVI — начало XX в.) // Гуманитарные науки в Сибири. 2013. № 2. С. 43—47.
7. Стратегия развития таможенной службы Российской Федерации до 2020 года : утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 28 дек. 2012 г. № 2575-р : [официально опубликовано 14 янв. 2013 г.] // Правительство России : [офиц. сайт.]. URL: <http://government.ru/docs/7160/> (дата обращения: 02.07.2025).
8. Аванесов С. Б. Исследование таможенной политики и таможенного дела в России в XVIII—XIX веках // Наука и современность. 2013. № 22. С. 235—242.
9. Сафонова А. И. История правового регулирования государственной службы в органах внутренних дел // Актуальные проблемы права, экономики и управления. 2015. № 11. С. 188—190.
10. Комиссарова Е. Г. Этический аспект в реформе органов внутренних дел Российской Федерации // Вестник Тюменского института повышения квалификации МВД России. 2015. № 1 (4). С. 147—153.
11. Федорченко В. И. Двор российских императоров. Красноярск : Издательские проекты ; М. : АСТ. 2004. 588 с.
12. Муров Е. 130 лет государственной охране // Родина. 2011. № 8. С. 2—3.
13. Холмогоров А. А. Московское дворцовое управление и охрана московских императорских дворцов в 1886—1917 гг. Охрана московского кремля 1881—1917 гг.: историческое исследование // Симбирский научный вестник. 2013. № 3 (13). С. 40—46.
14. Бельков В. И., Косарев Л. Е. Архивная служба Кузбасса: страницы истории // Вестник архивиста. 2014. № 1. С. 8—23.
15. Осин В. М. Архивная служба Московской области накануне и в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. // Вестник архивиста. 2014. № 1. С. 81—91.
16. Пертли Л. Ф. Возможные пути межведомственного взаимодействия по вопросам изучения зарубежного пенитенциарного опыта и истории уголовно-исполнительной системы России // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2015. Т. 14, № 3 (130). С. 88—97.
17. Коротеева Н. Н. История российской аптечной службы второй половины XIX — начала XX века в документах региональных архивов // Известия Юго-Западного государственного университета. Сер.: История и право. 2014. № 3. С. 111—119.
18. Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Собрание первое: 1649—1825 гг. : в 45 т. Т. XXIV. С 6 ноября 1796 по 1798. СПб. : Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. С. 287—296.
19. Балковая В. Г. Таможенная служба России в системе управления Российского государства (XVI—XVII вв.) // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2012. № 9. С. 12—13.
20. Горина Е. Е. Развитие государственной службы занятости // Современная экономика: проблемы, тенденции, перспективы. 2012. № 6. С. 2.
21. Шамахов В. А., Морозов В. И. Подготовка кадров государственных служащих в России: к вопросу о преемственности // Управленческое консультирование. 2012. № 1 (45). С. 5—17.
22. Свод законов Российской Империи. Т. III. Свод уставов о службе гражданской. Кн. 1. Устав о службе по определению от правительства. СПб., 1832. 458 с.
23. Ленин В. И. Полн. собр. соч. : в 55 т. 5-е изд. М. : Изд-во полит. лит., 1970. Т. 45: март 1922 — март 1923. 730 с.
24. Рошупкин А. Ю. Социальное сознание служилого человека южного пограничья Московского государства в конце XVI — начале XVII вв. (по материалам Елецкого уезда) // История: факты и символы. 2015. № 2 (3). С. 42—50.
25. Щербинин П. П. Социально-правовой и повседневно бытовой статус солдатских детей в XVIII—XIX вв. // Вестник Тамбовского университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2014. № 7 (135). С. 161—167.
26. Зубов В. Е. Государственный аппарат и управление Сибири (конец XVI — начало XX в.) : моногр. Новосибирск : Изд-во СибАГС, 2009. 244 с.

27. Большая советская энциклопедия : в 30 т. 3-е изд. Т. XI: Италия-Кваркуш. М. : Сов. энцикл., 1970. 607 с.
28. Котельников А. С. О некоторых проблемах в работе органов безопасности в условиях перехода от «военного коммунизма» к новой экономической политике // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2015. № 2 (43). С. 36—42.
29. Заяц Н. Царская продразверстка. Как изымали хлеб у крестьян Воронежской губернии в годы Первой мировой войны // Родина. 2016. 1 апр. URL: <https://rg.ru/2016/04/24/rodina-hleb.html> (дата обращения: 10.11.2021).

References

1. Zubov V.E. Istoriya gosudarstvennoy sluzhby v nauchnykh publikatsiyakh 2011-2015 (po materialam RINTs) [The History of Civil Service in Scientific Publications of 2011-2015 (on RSCI Materials)], part. I, *Vestnik gumanitarnogo obrazovaniya* [Bulletin of Humanitarian Education], 2024, no. 4 (36), pp. 9-17.
2. Balkovaya V.G. Teoretiko-metodologicheskie osnovaniya izucheniya istorii gosudarstvennykh organov Rossii (na primere tamozhennoy sluzhby) [Theoretical and Methodical Foundations of Studying the History of State Bodies of Russia (on the Example of Customs Service)], *Ekonomika, sotsiologiya i pravo* [Economics, Sociology and Law], 2014, no. 1, pp. 157-159.
3. Balkovaya V.G. Tamozhennaya sluzhba v Rossii kak gosudarstvennaya povinnost' (XVI-XVII vv.) [Customs Service in Russia as State Duty (the 16th-17th centuries)], *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki* [Bulletin of Perm university. Legal Sciences], 2012, no. 3 (17), pp. 8-15.
4. Kozlov V.V. Pravovye osnovy sluzhby inostrantsev v Rossii: istoriya voprosa [Legal Foundations of Foreigners' Service in Russia: the History of the Issue], *Gumanitarnye issledovaniya* [Humanities Research], 2011, no. 4 (40), pp. 343-349.
5. Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya [Great Soviet Encyclopedia], in 30 vol., ed. 3, vol. XXII: Remen' – Safi [Remen - Safi]. Moscow, Sov. entsikl., 1975, 627 p.
6. Zubov V.E. Etapy reformirovaniya gosudarstvennoy sluzhby v Rossii (XVI - nachalo XX v.) [Stages of Reforming Civil Service in Russia (the 16th- the beginning of the 20th centuries)], *Gumanitarnye nauki v Sibiri* [Humanities in Siberia], 2013, no. 2, pp. 43-47.
7. Strategiya razvitiya tamozhennoy sluzhby Rossiyskoy Federatsii do 2020 goda [The Strategy of Developing the Customs Service in the Russian Federation before 2020], utv. rasporyazheniem Pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii ot 28 December 2012 № 2575-r, [ofitsial'no opublikovano 14 January 2013], *Pravitel'stvo Rossii* [The Government of Russia], [ofits. site.]. Available at: <http://government.ru/docs/7160/> (accessed: 02.07.2025).
8. Avanesov S.B. Issledovanie tamozhennoy politiki i tamozhennogo dela v Rossii v XVIII-XIX vekakh [Research of Customs Policy and Customs Procedures in Russia in the 18th-19th centuries], *Nauka i sovremennost'* [Science and Contemporaneity], 2013, no. 22, pp. 235-242.
9. Safonova A.I. Istoriya pravovogo regulirovaniya gosudarstvennoy sluzhby v organakh vnutrennikh del [The History of Legal Regulation of Civil Service in the Bodies of Internal Affairs], *Aktual'nye problemy prava, ekonomiki i upravleniya* [Topical Problems of Law, Economics and Management], 2015, no. 11, pp. 188-190.
10. Komissarova E.G. Eticheskiy aspekt v reforme organov vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii [An Ethic Aspect in the Reform of Bodies of Internal Affairs of the Russian Federation], *Vestnik Tyumenskogo instituta povysheniya kvalifikatsii MVD Rossii* [Bulletin of Tyumen Institute of Advanced Training of MIA of Russia], 2015, no. 1 (4), pp. 147-153.
11. Fedorchenko V.I. Dvor rossiyskikh imperatorov [The Court of Russian Emperors]. Krasnoyarsk, Izdatel'skie proekty, Moscow, AST, 2004, 588 p.
12. Murov E. 130 let gosudarstvennoy okhrane [130 Years of State Guard], *Rodina* [Motherland], 2011, no. 8, pp. 2-3.
13. Kholmogorov A.A. Moskovskoe dvortsovoe upravlenie i okhrana moskovskikh imperatorskikh dvortsov v 1886-1917. Okhrana moskovskogo kremlya 1881-1917: istoricheskoe issledovanie [Moscow Palace Administration and the Guard of Imperial Palaces in 1886–

1917. The Guard of Moscow Kremlin in 1881-1917: Historical Research], *Simbirskiy nauchnyy vestnik [Simbirsk Scientific Bulletin]*, 2013, no. 3 (13), pp. 40-46.
14. Bel'kov V.I., Kosarev L.E. Arkhivnaya sluzhba Kuzbassa: stranitsy istorii [Archive Service of Kuzbas], *Vestnik arkhivista [Archivist Bulletin]*, 2014, no. 1, pp. 8-23.
15. Osin V.M. Arkhivnaya sluzhba Moskovskoy oblasti nakanune i v gody Velikoy Otechestvennoy voyny 1941-1945 [Archive Service of Moscow Region before and during the Great Patriotic War of 1941-1945], *Vestnik arkhivista [Archivist bulletin]*, 2014, no. 1, pp. 81-91.
16. Pertli L.F. Vozmozhnye puti mezhvedomstvennogo vzaimodeystviya po voprosam izucheniya zarubezhnogo penitentsiarnogo opyta i istorii ugolovno-ispolnitel'noy sistemy Rossii [Possible Ways of Interdepartmental Interaction on Issues of Studying Foreign Penitentiary Experience and the History of Penal System of Russia], *Uchenye zapiski Rossiyskogo gosudarstvennogo sotsial'nogo universiteta [Transactions of Russian State Social University]*, 2015, vol. 14, no. 3 (130), pp. 88-97.
17. Koroteeva N.N. Istoriya rossiyskoy aptechnoy sluzhby vtoroy poloviny XIX-nachala XX veka v dokumentakh regional'nykh arkhivov [The History of Russian Pharmacy Service in the Second Half of the 19th – the beginning of the 20th centuries], *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Istoriya i pravo [Proceedings of South-West State University. Ser.: History and Law]*, 2014, no. 3, pp. 111-119.
18. Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii s 1649 goda. Sobranie pervoe: 1649-1825, in 45 vol., vol. XXIV. S 6 noyabrya 1796 po 1798 [Complete Collection of Laws of the Russian Empire since 1649. The First Collection: 1649-1825; in 45 V. V. XXIV. From November 6, 1796 to 1798]. Saint Petersburg, Tip. II Otdeleniya Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii, 1830, pp. 287-296.
19. Balkovaya V.G. Tamozhennaya sluzhba Rossii v sisteme upravleniya Rossiyskogo gosudarstva (XVI-XVII vv.) [Customs Service of Russia in the System of Governance of the Russian State (the 16th - 17th centuries) (monograph)], *Mezhdunarodnyy zhurnal prikladnykh i fundamental'nykh issledovaniy [International Journal of Applied and Fundamental Research]*, 2012, no. 9, pp. 12-13.
20. Gorina E.E. Razvitie gosudarstvennoy sluzhby zanyatosti [The Development of State Employment Service], *Sovremennaya ekonomika: problemy, tendentsii, perspektivy [Modern Economics: Problems, Trends, Perspectives]*, 2012, no. 6, p. 2.
21. Shamakhov V.A., Morozov V.I. Podgotovka kadrov gosudarstvennykh sluzhashchikh v Rossii: k voprosu o preemstvennosti [Staff Training of Civil Servants in Russia: on the Issue of Succession], *Upravlencheskoe konsul'tirovanie [Management Consulting]*, 2012, no. 1 (45), pp. 5-17.
22. Svod zakonov Rossiyskoy Imperii. T. III. Svod ustavov o sluzhbe grazhdanskoy. Kn. 1. Ustav o sluzhbe po opredeleniyu ot pravitel'stva [Code of Laws of the Russian Empire. V. III. The Code of Regulations of Civil Service. Book 1. Regulation of the Service as Determined by the Government]. Saint Petersburg, 1832, 458 p.
23. Lenin V.I. Poln. sobr. soch. [Complete works], in 55 vol. ed. 5. Moscow, Publ. polit. lit., 1970, vol. 45: March 1922-March 1923, 730 p.
24. Roshchupkin A.Yu. Sotsial'noe soznanie sluzhilogo cheloveka yuzhnogo pogranič'ya Moskovskogo gosudarstva v kontse XVI - nachale XVII vv. (po materialam Eletskego uezda) [Social Consciousness of a Service-man in the Southern Borderland of Moscow State at the end of the 15th -the beginning of the 17th century], *Istoriya: fakty i simvoly [History: Facts and Symbols]*, 2015, no. 2 (3), pp. 42-50.
25. Shcherbinin P.P. Sotsial'no-pravovoy i povsednevno bytovoy status soldatskikh detey v XVIII-XIX vv. [Social-Legal and Everyday Household Status of Soldiers' Children in the 18th – 19th centuries], *Vestnik Tambovskogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye nauki [Bulletin of Tambov University. Ser.: The Humanities.]*, 2014, no. 7 (135), pp. 161-167.
26. Zubov V.E. Gosudarstvennyy apparat i upravlenie Sibiri (konets XVI - nachalo XX v.) [State Apparatus and Governance of Siberia (the end of 16th – the beginning of the 20th century], monogr. Novosibirsk, Publ. SibAGS, 2009, 244 p.
27. Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya [Great Soviet Encyclopedia], in 30 vol., ed. 3, vol. XI: Italiya-Kvarkush [Italy - Kvarkush]. Moscow, Sov. entsikl., 1970, 607 p.

28. Kotel'nikov A.S. O nekotorykh problemakh v rabote organov bezopasnosti v usloviyakh perekhoda ot "voennogo kommunizma" k novoy ekonomicheskoy politike [On Some Problems in the Work of Security Bodies in the Conditions of Transfer from "War Communism" to New Economic Policy], *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kul'tura* [Caspian Region: Politics, Economics, Culture], 2015, no. 2 (43), pp. 36-42.
29. Zayats N. Tsarskaya prodrazverstka. Kak izymali khleb u krest'yan Voronezhskoy gubernii v gody Pervoy mirovoy voyny [Tsar's prodrazvyorstka. How Bread was Requisitioned from the Peasants of Voronezh Guberniya], *Rodina* [Motherland], 2016, 1 April. Available at: <https://rg.ru/2016/04/24/rodina-hleb.html> (accessed: 10.11.2021).

Информация об авторе

Зубов Владимир Евгеньевич — кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Сибирский институт управления — филиал РАНХиГС, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: zubov-ve@ranepa.ru

Information about the author

Vladimir E. Zubov — Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Leading Researcher, Siberian Institute of Management — branch of RANEPa, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: zubov-ve@ranepa.ru

Статья поступила в редакцию 02.06.2025; одобрена после рецензирования 18.06.2025; принята к публикации 20.06.2025.

The article was submitted 02.06.2025; approved after reviewing 18.06.2025; accepted for publication 20.06.2025.